

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH162439-460>

Малашев Владимир Юрьевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
malashev@yandex.ru

Магомедов Рабадан Гаджиевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
генеральный директор
ООО Научно-производственный центр «ДАРС», Махачкала, Россия
mag-rabadan@yandex.ru

Дзуцев Феликс Сафарбекович,
генеральный директор
ООО «Археологический центр», Владикавказ, Россия
arh-c@mail.ru

Мамаев Хамид Магомедович,
к.и.н., заместитель директора
Институт гуманитарных исследований
Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия
mataev.07@list.ru

Кадзаева Залина Петровна,
Институт истории и археологии РСО-Алания,
научный сотрудник
zalina.kad@mail.ru

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ТЕРЕКЕ ОКТЯБРЬСКИЙ I И КИЕВСКИЙ I В МОЗДОКСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ в 2019 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH162439-460>

Vladimir Y. Malashev,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
malashev@yandex.ru

Rabadan G. Magomedov,
PhD (History),
General Director
LLC “Research and Production Center «DARS»”, Makhachkala, Russia
mag-rabadan@yandex.ru

Felix S. Dzutsev,
General Director
LLC “Archaeology Center”, Vladikavkaz, Russia
arh-c@mail.ru

Khamid M. Mamaev,
PhD (History), Deputy Director
Institute of Humanitarian Studies
Academy of Sciences, Chechen Republic, Grozny, Russia
mamaev.07@list.ru

Zalina P. Kadzaeva,
Researcher
Institute of History and Archeology, Vladikavkaz, Russia
zalina.kad@mail.ru

**SECURE-AND-PRESERVE RESEARCH
OF THE OKTYABRSKIY I AND KIEVSKIY I BURIAL GROUNDS
OF EARLY ALANIAN CULTURE AT THE MIDDLE TEREK
IN MOZDOK DISTRICT OF THE REPUBLIC
OF NORTH OSSETIA-ALANIA IN 2019**

© V.Y. Malashev, R.G. Magomedov, F.S. Dzutsev, Kh.M. Mamaev, Z.P. Kadzaeva, 2020
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Аннотация: В мае-августе 2019 г. Терская комплексная археологическая экспедиция (ООО «Научно-производственный центр «ДАРС»), Кавказская экспедиция (Институт археологии РАН) и Чеченская экспедиция (Институт гуманитарных исследований АН ЧР) провели на средства ПАО «Газпром»/ООО «Газпром инвест» (Санкт-Петербург) и ООО «Кирус» (Грозный) охранно-спасательные исследования курганных могильников Октябрьский I и Киевский I раннего этапа аланской культуры в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания. На могильнике Октябрьский I было исследовано 122 курганных и бескурганных погребальных комплекса III – первой половины V в. н.э., на Киевский I – 40 комплексов второй половины IV – первой половины V в. н.э. и одно захоронение XIV в. н.э. Абсолютное большинство погребений было совершено в катакомбах типа I (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы). Исследованная выборка погребений дополняет результаты раскопок 2018 г. и делает изученные памятники опорными для территории Среднего Терека в указанное время. Население, оставившее могильники типа Братских 1-х курганов, Октябрьского I и Киевского I, участвовало в культурно-исторических процессах на территории Западного Прикаспия, где их присутствие со второй половины III в. н.э. фиксируется в Терско-Сулакском междуречье с середины IV в. н.э. – в Южном Дагестане, а также на северной окраине Кисловодской котловины.

Ключевые слова: Республика Северная Осетия-Алания; охранно-спасательные раскопки; курганные могильники Киевский I и Октябрьский I; аланская культура; III – первая половина V в. н.э.

Abstract. In May-August of 2019, Terek comprehensive archeological expedition (LLC “Research and production center «DARS»”), Caucasian expedition (Institute of archeology of RAS) and Chechen expedition (Institute of humanitarian studies of AS of Chechen Republic), with the financial support of PJSC “Gazprom” (LLC “Gazprom Invest”, Saint-Petersburg) and LLC “Kirus” (Grozny), conducted secure-and-preserve digs of burial grounds Oktyabrskiy I and Kievskiy I of the early Alanian culture on the construction site of the main gas pipeline “Mozdok-Grozny” in Mozdok district of the Republic of North Ossetia-Alania. At Oktyabrskiy I burial ground, the following burials were studied: 122 mound and non-mound burial complexes of the 3rd – first half of the 5th century AD, on Kievskiy I – 40 complexes of the second half of 4th – first half of the 5th century AD, and one burial of the 14th century AD. The vast majority of the burials were made in catacombs of the Type I (the long axis of the chamber is perpendicular to the long axis of the entrance pit). The studied sample of burials supplements the results of excavations of 2018 and makes the studied monuments supporting for the territory of the Middle Terek at the time indicated. The population, which abandoned the burials of the type Bratskiy I mounds, Oktyabrskiy I and Kievskiy I, participated in cultural and historical processes in the territory of the West Peri-Caspian region, where their presence in the second half of the 3rd century AD has been recorded in the Tersko-Sulak interfluve since the middle of the 4th century AD – in southern Dagestan, as well as on the northern outskirts of the Kislovodsk basin.

Keywords: Republic of North Ossetia-Alania; secure-and-preserve excavations; burial mounds Kievskiy I and Oktyabrskiy I; Alanian culture; 3rd – first half of the 5th century AD.

В статье представлены некоторые результаты исследований двух некрополей раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке. В общей сложности было раскопано 162 погребальных комплекса III – первой половины V в. н.э. и одно захоронение XIV в. н.э. В мае-августе 2019 г. Терская комплексная археологическая экспедиция (ООО «Научно-производственный центр «ДАРС»»), Кавказская экспедиция (Институт археологии РАН) и Чеченская экспедиция (Институт гуманитарных исследований АН ЧР) на средства ПАО «Газпром»/ООО «Газпроминвест» (Санкт-Петербург) и ООО «Кирус» (Грозный), провели охранно-спасательные исследования курганных могильников Октябрьский I и Киевский I (рис. 1) в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания.

Курганный могильник Октябрьский I примыкает к административной границе между Республикой Северная Осетия-Алания и Чеченской Республикой. С севера он ограничен обрывом коренного берега р. Терек. К востоку продолжается на территории Надтеречного района Чеченской Республики, где носит название Братские 1-е курганы и образует вместе с последним единый некрополь. Большая часть могильника находится на полях и в настоящее время подвергается интенсивной распашке. Как и могильник Братские 1-е курганы он принадлежит Братскому 1-му городищу [1, с. 8; 2, с. 68] раннего этапа аланской культуры, расположенному на высоком правом берегу р. Терек на территории с. Братское. Распространение курганов вокруг Братского 1-го городища в виде могильников Братские 1-е курганы, Братские 2-е курганы и Октябрьский I маркирует границы единого некрополя данного городища общими размерами 6,5x3,5–2 км [3, с. 197].

Изучение некрополя Братского 1-го городища началось достаточно давно. На могильнике Братские 1-е курганы в 1963 г. Р.М. Мунчаевым были раскопаны 5 подкурганных катакомб аланской культуры [4; 5], датирующихся серединой – второй половиной III в. н.э. На могильнике Октябрьский I в 1971 г. М.П. Абрамова исследовала 6 курганов середины – второй половины IV в. н.э. [6; 7]. Следующие работы были проведены в 2018 г. в рамках охранно-спасательных исследований в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный», в ходе которых было исследовано 162 курганных и бескурганных погребальных комплекса раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа, датирующихся первой половиной III – серединой (третьей четвертью) IV в. н.э. [3].

В рамках того же проекта в 2019 г. были продолжены раскопки на могильнике Октябрьский I¹. В общей сложности на площади более 3 га было

1 Нумерация вновь выявленных при раскопках погребальных комплексов продолжила нумерацию курганов по итогам разведывательных предпроектных исследований и была начата с № 758. Погребения в катакомбах внутри ровиков получили наименование «курганы». Катакомбы, подбой и ямы, не имевшие ровиков, как вследствие изначального их отсутствия, так и невозможности проследить из-за небольшой глубины, получили наименование «погребения».

исследовано 122 курганных и бескурганных погребальных комплекса, датированных от первой половины III по первую половину V в. н.э.

Насыпи курганов полностью разрушены распашкой. Подкурганные погребения были окружены ровиками округлой или, реже квадратной/прямоугольной в плане формы, как правило, с двумя разрывами в контуре (перемычками) в северном и южном секторах. В сечении ровики трапециевидной формы. Диаметр округлых ровиков варьировал от 11 до 30 м, размеры квадратных достигали 28x28 м; ширина ровиков на уровне материка – до 1,6 м, глубина от уровня древнего горизонта – до 1,5 м. В заполнении ровиков встречались фрагменты сосудов и кости животных, связанные с поминальными ритуалами.

Доминируют катакомбы типа I (по К.Ф. Смирнову и Мошковой, Малашеву) [8; 9] (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы) (рис. 2, 1; 6, 1). Входные ямы трапециевидной или прямоугольной в плане формы ориентированы длинной осью широтно с отклонениями. Глубина входных ям от древнего горизонта варьирует от 1 до 4 м. Камеры овальной, прямоугольной и трапециевидной в плане формы ориентированы меридионально и находились у западных стенок входных ям. Конструкция свода была различной: в погребениях первой половины – середины III в. н.э. свод понижался от входа к передней стенке входной ямы, в катакомбах второй половины III – первой половины V в. н.э. он был вынесен вверх от входа. Представляет интерес свод стрельчатой формы, впервые зафиксированный в катакомбе второй половины III в. н.э. (рис. 2, 1). В существующей до недавнего времени выборке стрельчатый свод был надежно зафиксирован в комплексах не ранее второй половины IV в. н.э. [10, с. 39]). Датировку данного комплекса надежно определяет пряжка с овальной рамкой и овальным щитком с загнутыми краями, имитирующими фасетировку (рис. 2, 2). Язычок прогнут в средней части, не достигает до середины сечения рамки в передней части; в задней части отсутствует уступ, но фиксируется грубая гравировка в виде сетчатого декора, по всей видимости, имитирующего крест, известный на пряжках с низким уступом или выступом [см.: 11, рис. 9, В3, 5, 6]. Данная пряжка обладает признаками ремennых застежек П2а (прогнутый в средней части язычок) и П8, П9 (овальный щиток, имитация декора у основания язычка) [11, рис. 2] и, очевидно, занимает промежуточную позицию в отношении хронологии, что позволяет рассматривать ее датировку в рамках второй половины III в. н.э. без финала столетия. В катакомбах IV в. н.э. с высоким стрельчатым сводом на стенках фиксируются следы орудий; в некоторых случаях стенки были тщательно заглажены и покрыты тонким слоем штукатурки/обмазки, выполненной жидкой глиной (рис. 3, 1). Ориентировка погребенных – в южном секторе; преобладает вытянутое положение на спине, реже – на спине с согнутыми ногами коленями вверх или скорченно на боку. Под погребенными фиксировались остатки подстилок из плетеного камыша. В катакомбах конца III–IV в. н.э. встречалась посыпка дна камеры древесным углем от сожжения на стороне веток и сучьев.

О других формах погребальных сооружений в исследованной выборке. Катакомбы типа IV (параллельное соотношение длинных осей входной ямы и камеры) [8; 9]; все три комплекса датируются не ранее IV в. н.э., в них совершены детские захоронения, ориентировка погребенных: южная – 2, ЗСЗ – 1. Два захоронения совершены в подбоях с южной и восточной ориентировкой погребенных. В шести случаях – погребения в ямах. Предположительно, часть их могла быть неглубокими подбоями с несохранившимися входными ямами. Ориентировка погребенных: западная – 2, ЗСЗ – 1, ЮЗ – 2, северная – 1.

Большая часть погребений ограблена. Погребальный инвентарь содержал керамическую посуду, украшения (стеклянные и каменные бусы, серьги, нашивные бляшки и др.), металлическую гарнитуру костюма (пряжки, наконечники ремней, фибулы, петли), предметы вооружения (мечи, кинжалы), уздечные наборы, предметы быта (ножи, шилья). Из находок следует отметить импортную керамику: краснолаковую миску (рис. 4, 2), комплекс кургана которого датируется первой половиной III в. н.э., и красноангобированный кувшинчик, типичный для продукции Кавказской Албании (рис. 4, 1). Он происходит из комплекса кургана 19 второй половины III в. н.э.; данный тип сосудов (с вариациями места расположения ручки) находит серию аналогий в памятниках Дагестана, начиная с III в. н.э. [12, с. 109–111, рис. 211–214].

Наиболее ранние погребения могильника Октябрьский I относятся к первой половине III в. н.э. Конструкции катакомб и набор погребального инвентаря аналогичны приведенным в публикации, посвященной итогам исследований могильника Братские 1-е курганы [3, рис. 2–5, с. 198], с которым они образуют единый некрополь. Верхнюю хронологическую границу исследованной выборки – гуннское время – иллюстрируют комплексы погребений 858 и 860.

В состав инвентаря погребения 860 входит ременный наконечник, лицевая пластина которого оформлена в виде двускатной поверхности, разделенной продольным ребром (рис. 5, 2). Подобные наконечники находят широкие аналогии в гуннское время [13, табл. 13, 33а-в, 27, 126а,в, 127а-в; 14, табл. 15, 1; 10, рис. 13, В5; 15, рис. 35, 13; 16, рис. 26, 4; 27, 5, 6]. Близкие соответствия крупной кружке (рис. 5, 1) имеются в инвентаре могильника Паласа-сырт [12, рис. 225, 1,2], что лишнее подтверждает непосредственное участие носителей аланской культуры Среднего Терека в формировании облика памятников «Львовские – Паласа-сырт» [3, с. 199; 17]. Для оценки хронологии погребения 858, в первую очередь, показательна пряжка с округлой рамкой, массивным хоботковым язычком, заметно выходящим за пределы рамки и высоким уступом у основания (рис. 6, 2). Данные ременные застежки синхронизируются с древностями D2 и датируются, главным образом, концом IV (рубежом IV/V) – первой половиной V в. н.э. [13, табл. 11, 14а-в; 26, 106, 109, 112, 115; 47, 219; 49, 231 и др.; 14, табл. 4, 11; 5, 11; 16, 9, 10 и др.; 17, рис. 6, 4, 6, 8; 7, 1, 2; 9, 3–5, 7; 10, 5, 6; 11, 2–4; 13, 1–3].

Курганный могильник Киевский I, площадью около 7 км², расположен в 1,1 км к востоку от с. Кизляр, в 0,6 км к югу от с. Киевское, является некрополем Киевского городища раннего этапа аланской культуры [18] и образует с последним единый комплекс археологических памятников. Городище занимает площадь около 40 га и расположено на первой надпойменной террасе правого коренного берега р. Терек к юго-востоку от с. Киевское. Некрополь примыкает к городищу с востока, запада и юга. В 2012 г. экспедицией ГМИНВ на могильнике были проведены охранно-спасательные работы, где исследовался участок могильника, расположенный к востоку от городища. В результате проведенных работ раскопано 5 подкурганных катакомб середины IV – начала V в. н. э. [20].

Значительно более представительную серию погребений дали работы 2019 г. в рамках охранно-спасательных мероприятий в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный». В результате на участке площадью около 6 га было исследовано 40 курганных и бескурганных комплексов второй половины IV – первой половины V в. н.э. и одно захоронение XIV в. н.э. Важно заметить, что исследованный участок пролегал по периферии некрополя в юго-западной его части.

Насыпи курганов полностью разрушены или сильно нарушены распашкой. Также как и на могильнике Октябрьский I, подкурганные погребения были окружены ровиками. Преобладают ровики квадратной в плане формы с двумя разрывами в контуре (перемычками) в северном и южном секторах, ориентированные сторонами по сторонам света (рис. 9); круглые в плане ровики встречены в трех случаях. Данная диспропорция, связанная с резким количественным превышением квадратных в плане ровиков над кольцевыми, является отражением общей тенденции в замене первых последними в рамках IV в. н.э. и практически полному вытеснению кольцевых ровиков в начале V в. н.э. В сечении ровики трапециевидной формы. Диаметр кольцевых ровиков варьировал от 22 до 42 м, размеры квадратных/прямоугольных – от 18x18 м до 34x30 м.

Погребения совершены в катакомбах типа I (по К.Ф. Смирнову и Мошковой, Малашеву) (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы) (рис. 7, 1; 9; 10, 1)². Входные ямы узкой прямоугольной в плане формы ориентированы длинной осью широтно с незначительными отклонениями. Глубина входных ям от древнего горизонта достигает 4,5 м. Камеры прямоугольной в плане формы ориентированы меридионально и находились у западных стенок входных ям. Своды стрельчатой формы, высоко вынесенные вверх от входа. Конструкции ступенек унифицированы. Преобладают ступеньки, расположенные у задней стенки по всей ширине входной ямы (рис. 10, 1). Реже встречались ступеньки вдоль боковой стенки входной ямы (рис. 7,

² Три безы Inventарных детских погребения в неглубоких ямах в контекст некрополя увязываются с определенной долей условности.

1), являющиеся хронологически более ранней конструкцией, нехарактерной для V в. н.э. Ориентировка погребенных – в южный сектор.

Почти все погребения в катакомбах ограблены. В состав погребального инвентаря входила керамическая посуда, украшения (стеклянные и каменные бусы, золотые серьги и кулоны/подвески), металлическая гарнитура костюма (пряжки, наконечники ремней, обувные накладки в виде лунниц, фибулы), предметы вооружения (клинковое оружие), уздечный набор, предметы быта (ножи, шилья).

Нижнюю хронологическую границу исследованной выборки характеризует комплекс погребения 1063 (рис. 7). Его дату определяет наличие пряжки П10 (по В.Ю. Малашеву) с овальной рамкой, утолщенной в передней части, прямым язычком без прогиба, почти достигающим в передней части до середины сечения рамки, с высоким уступом у основания и овальным щитком (рис. 7, 2), отражающей реалии ременных застежек второй – третьей четверти IV в. н.э. [11, с. 209, рис. 1; 2]. Морфологическая и орнаментальная специфика кружки (рис. 7, 3) имеет близкую аналогию, включая форму, декор и зооморфное оформление верхнего прилепа ручки, в кургане 254 могильника Киевский I (раскопки Д.С. Коробова) [20, рис. 5, 6].

Несколько позднее датируется набор инвентаря из кургана 757 (рис. 8). Две пряжки с овальными рамками и язычками с высокими уступами у основания, заходящими в передней части за середину сечения рамок и охватывающими их на всю высоту (рис. 8, 3, 4), характерны для комплексов последних десятилетий IV – начала V в. н.э., единично встречаясь позднее [21, р. 49–50; 12, с. 100]. Несколько «архаично» выглядит пряжка с овальной рамкой, утолщенной в передней части, прямым язычком без прогиба с высоким уступом у основания, достигающим в передней части до середины сечения рамки, и овальным щитком (рис. 8, 5), атрибутируемая как П10 по В.Ю. Малашеву (см. выше). Ременный наконечник с лицевой пластиной, оформленной в виде двускатной поверхности, разделенной продольным ребром (рис. 8, 2) характерен для гуннского времени (см. выше). Одночастный наконечник-подвеска с расширением в нижней части, по форме напоминающим секировидное или округлое (рис. 8, 1), имеет ближайшие аналогии в памятниках Среднего Терека и Южного Дагестана середины IV – середины V в. н.э. [3, рис. 7, 7; 12, с. 102, рис. 206, 1–3, 11]. Датировка комплекса может рассматриваться в рамках последних десятилетий IV в. н.э. В составе комплекса следует также отметить импортную красноангобированную крупную кружку, изготовленную в керамической традиции Кавказской Албании (рис. 8, 7).

Верхнюю хронологическую границу исследованных погребений и, видимо, некрополя в целом иллюстрируют материалы серии погребений, содержащих инвентарь, соотносящийся с древностями первой половины – середины V в. н.э., в частности, кургана 495 (рис. 9; 10). Здесь показательны пряжки с округлыми рамками, массивными хоботковыми язычками, заметно выходящими за пределы рамок и высокими уступами у основания (рис. 10, 2, 3), которые

датируются, главным образом, концом IV (рубежом IV/V) – первой половиной V в. н.э. (см. выше). Этой оценке соответствует и морфология небольшой широкодонной миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 10, 5); подобные миски получают широкое распространение во второй половине IV и первой половине V в. н.э. [15, с. 116-117, рис. 127, 16–23]. Конструкция ступенек у задней стенки входной ямы по всей ее ширине (рис. 10, 1), появляясь в финале IV в. н.э., получает широкое распространение в V в. н.э. [10, с. 39].

Обращает на себя внимание достаточно большое количество предметов из драгоценных металлов (рис. 11), сохранившихся, несмотря на ограбление, что характеризует прижизненный социальный статус их владельцев. Золотые цельнолитые серьги с полиэдрической бусиной (рис. 11, 1–3) широко распространены в гуннское время. Орнаментальная композиция на золотом кулоне/подвеске из ломаной линии, образованной перегородками под утраченные вставки и окаймляющей центральную вставку из сердолика (рис. 11, 4), находит серию аналогий на украшениях, выполненных в технике перегородчатой инкрустации [14, табл. 47, 13; 22; 23, рис. 31, 12] и композиционно ассоциируется с декором на украшениях, видимо, имитирующих эту технику, и зеркалах гуннского времени региона [12, с. 98, рис. 140, 7, 202, 12; 16, 28, 3]. Серебряная лучковая двучленная фибула с овальной спинкой принадлежит «лебяжьинской» серии 15-VI-3 по А.К. Амброзу [24, с. 56, 57]. Аналогичные застежки происходят еще из двух комплексов могильника (курган 749 и погребение 1064) и все относятся к гуннскому времени (от последних десятилетий IV по первую половину V в. н.э.). Заметим, что в распоряжении А.К. Амброза и М.П. Абрамовой [23, рис. 6, 3; 50, 4, 7; 51, 4; 54, 12, 15, 16] были только внекомплексные находки «лебяжьинских» фибул, что не позволяло делать аргументированных заключений о хронологии этих застежек. При этом отсутствие в погребениях большей части IV в. н.э. подобных фибул не оставляет сомнений в их распространении не ранее середины IV в. н.э., а, скорее, в последние десятилетия столетия.

Подведем некоторые итоги. Двухлетние охранно-спасательные исследования некрополей городищ раннего этапа аланской культуры (Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I), проводившиеся в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный» [3], дали чрезвычайно важные результаты для понимания культурно-исторических процессов на территории центральных и восточных районов Северного Кавказа в III – первой половины V в. н.э. Впервые для районов, являющихся северной границей «метрополии» ареала памятников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке, были получены материалы (324 комплекса), являющиеся опорными. Особенности погребального обряда (широтная ориентировка входных ям, отсутствие унификации в расположении перемычек у ровиков, нахождение внутри ровика двух или трех погребений, использование в ряде случаев катакомб для многоразовых захоронений, наличие катакомб типа IV и двухкамерной катакомбы), отличные от памятников предгорной полосы,

и некоторые различия в наборе форм керамического комплекса позволяют формулировать проблему *локального варианта аланской культуры раннего этапа Среднего Терека*³. Представляет интерес то, что некоторые новации в конструкции катакомб (стрельчатая форма свода, время появления ступенек вдоль боковой стенки входной ямы и по всей ширине входной ямы у задней стенки), исходя из выборки на сегодняшний день, в некрополях Среднего Терека фиксируются раньше, чем в памятниках предгорной полосы.

Как уже ранее говорилось [3, с. 199], полученные материалы дополнительно освещают особенности исторических процессов, происходивших в северокавказском регионе в середине III – середине IV в. н.э., а именно миграции (экспансии) населения Среднего Терека. В первую очередь, на территорию Западного Прикаспия, где их присутствие фиксируется в Терско-Сулакском междуречье в середине – второй половине III в. н.э., а с середины IV в. н.э. – в Южном Дагестане [12; 25]. К этому следует добавить еще одно наблюдение. Материалы могильника Левоподкумский 1 [26] позволяют уточнить происхождение населения, оставившего этот памятник – опорный в проблеме освоения Кисловодской котловины носителями аланской культуры в первой половине IV в. н.э. Судя по особенностям погребального обряда (широтной ориентировке входных ям) и формам керамического комплекса [26, рис. 6, 1, 2, 4, 5], находящим ближайшие аналогии в керамике могильников Братские 1-е курганы и Октябрьский I, допустимо говорить о том, что культура мигрантов напрямую восходит к аланской культуре ее локального варианта на Среднем Тереке. Таким образом, необходимо отметить высокую военно-политическую активность носителей аланской культуры Среднего Терека, нашедшую отражение в миграционных процессах внутри северокавказского региона и, как следствие, обозначающую их роль в истории Северного Кавказа в середине III – середине V в. н.э.

3 Подробному рассмотрению этой проблемы с характеристикой диагностических признаков, территориальных и хронологических рамок будет посвящена самостоятельная работа.

Рис. 1. Курганный могильник Киевский I. Общий вид раскопа с СЗ

Fig. 1. Kievskiy I burial mound. General view of the dig from south-west

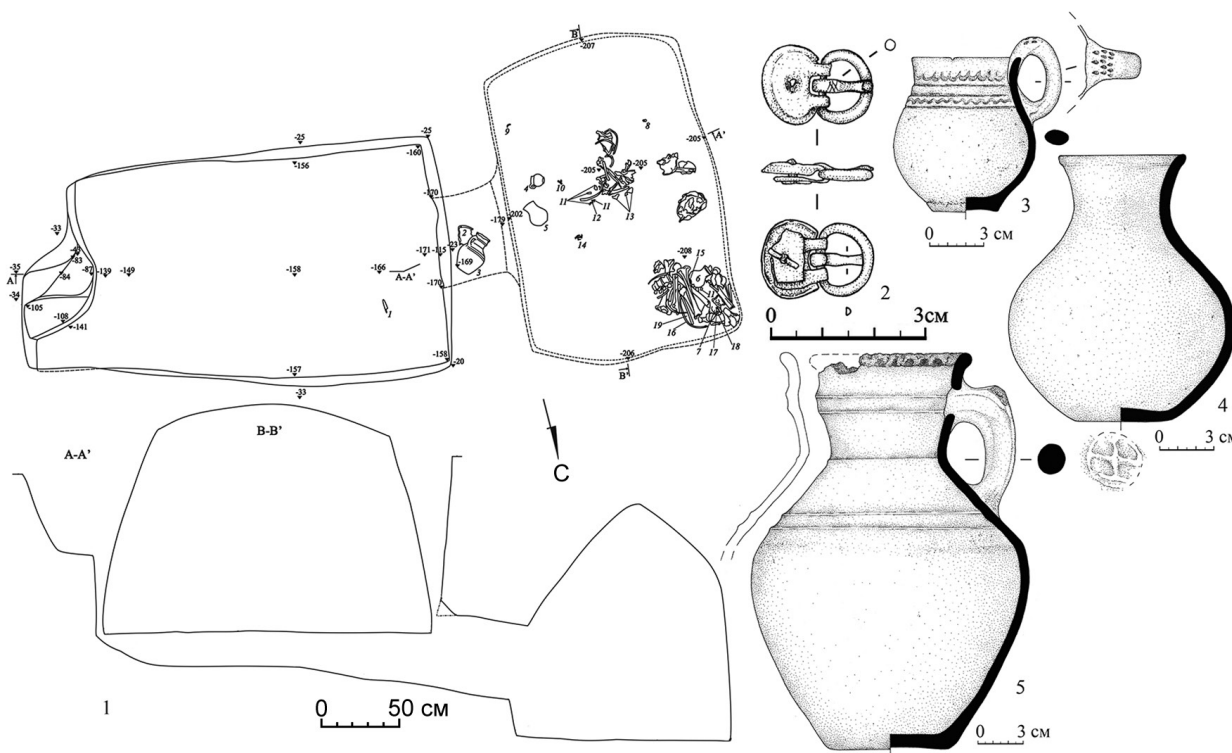

Рис. 2. Курганный могильник Октябрьский I. Курган 827: 1 - план и разрезы погребального сооружения; 2 – пряжка бронзовая; 3–5 – сосуды

Fig. 2. Oktyabrskiy I burial mound. Mound 827: 1 – layout and cross-section of the burial structure; 2 – a bronze buckle; 3–5 – vessels

1

2

Рис. 3. 1 - штукатурка тонким слоем глины на торцевой стенке камеры в кургане 843 могильника Октябрьский I; 2 - следы орудий на торцевой стенке камеры в кургане 757 могильника Киевский I

Fig. 3. 1 – plaster of a thin layer of clay on the end wall of the chamber in the mound 843 of the Oktyabrskiy I burial ground; 2 – tool marks on the end wall of the chamber in the mound 757 of the Kievskiy I burial ground

Рис. 4. Курганный могильник Октябрьский I.
Импортные сосуды: 1 – красноангобированный кувшинчик (курган 19);
2 – краснолаковая миска (курган 32)

Fig. 4. Oktyabrskiy I burial mound.
Imported vessels: 1 – red-engobed jug (mound 19); 2 – red-varnish bowl (mound 32)

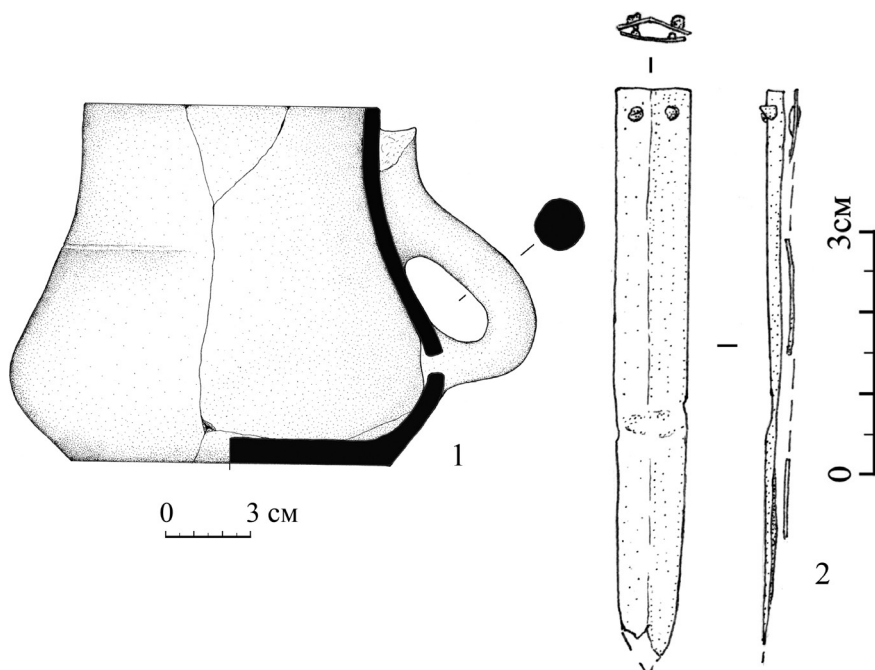

Рис. 5. Курганный могильник Октябрьский I. Погребение 860.
Погребальный инвентарь: 1 – кружка; 2 – бронзовый наконечник-подвеска ремня

Fig. 5. Oktyabrskiy I burial mound. Burial 860. Grave goods: 1 – mug; 2 – bronze belt pendant-tip

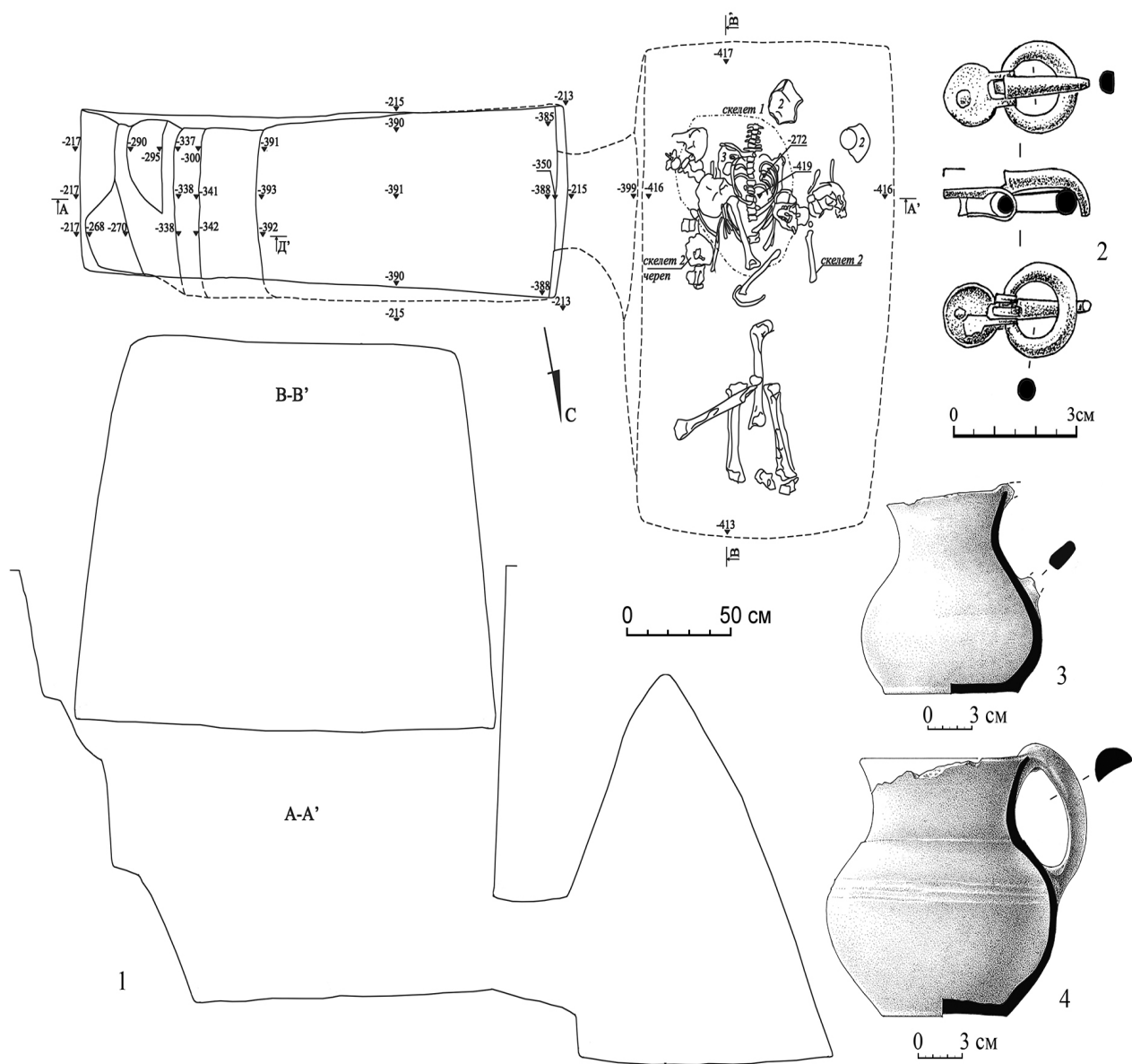

Рис. 6. Курганный могильник Октябрьский I. Погребение 858:
1 - план и разрезы погребального сооружения; 2 – пряжка бронзовая; 3, 4 – кувшинчики

Fig. 6. Oktyabrskiy I burial mound. Burial 858:
1 – layout and cross-sections of the burial structure; 2 – bronze buckle; 3, 4 – jugs

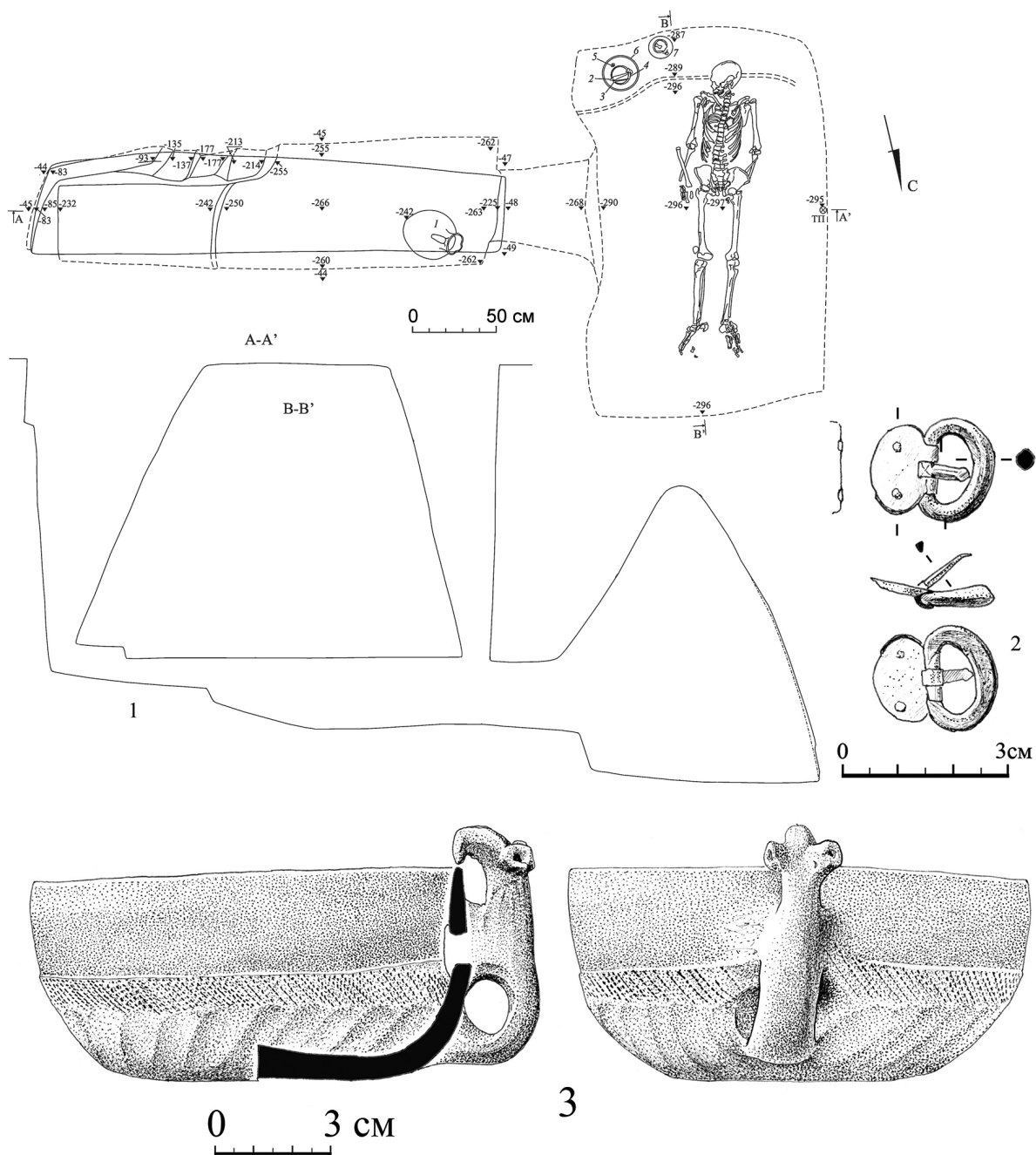

Рис. 7. Курганный могильник Киевский I. Погребение 1063:
1 – план и разрезы погребального сооружения; 2 – пряжка серебряная; 3 – кружка

Fig. 7. Kievskiy I burial mound. Burial 1063:
1 – layout and cross-sections of the burial structure; 2 – silver buckle; 3 – mug

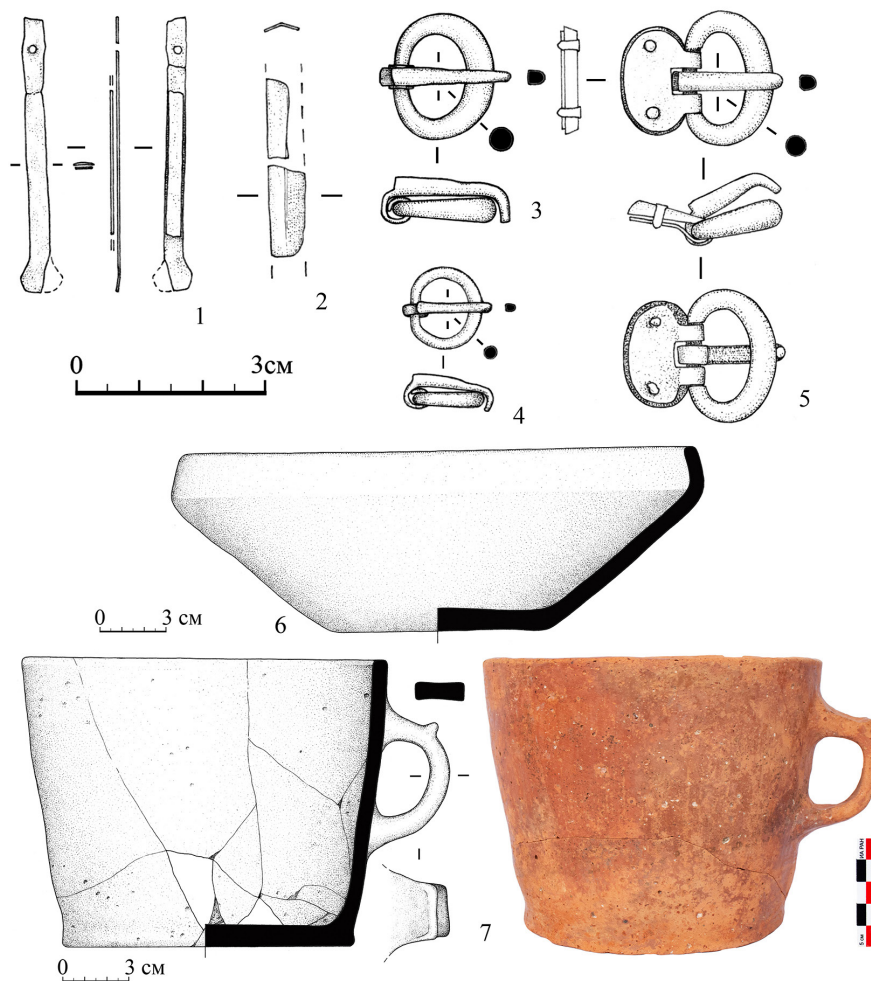

Рис. 8. Курганный могильник Киевский I. Курган 757.
 Погребальный инвентарь: 1 – серебряный наконечник-подвеска;
 2 – бронзовый наконечник-подвеска ремня;
 3, 4 – пряжки бронзовые; 5 – пряжка серебряная; 6 – миска;
 7 – кружка красноангобированная

Fig. 8. Kievskiy I burial mound. Mound 757.
 Grave goods: 1 – silver pendant tip;
 2 – bronze belt pendant tip;
 3, 4 – bronze buckles; 5 – silver buckle; 6 – bowl;
 7 – red-engobed mug

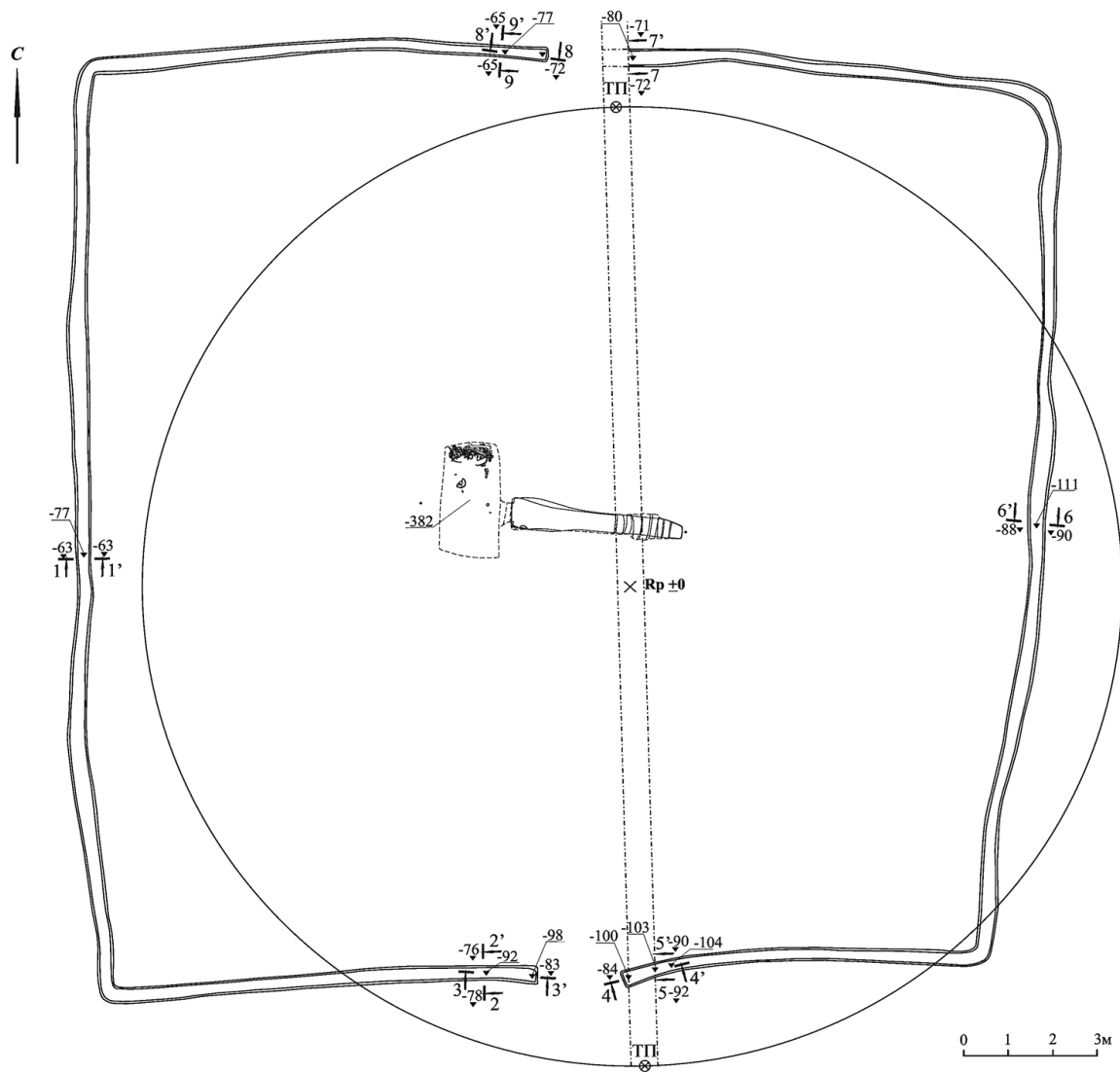

Рис. 9. Курганный могильник Киевский I.
Курган 495. Общий план

Fig. 9. Kievskiy I burial mound.
Mound 495. General layout

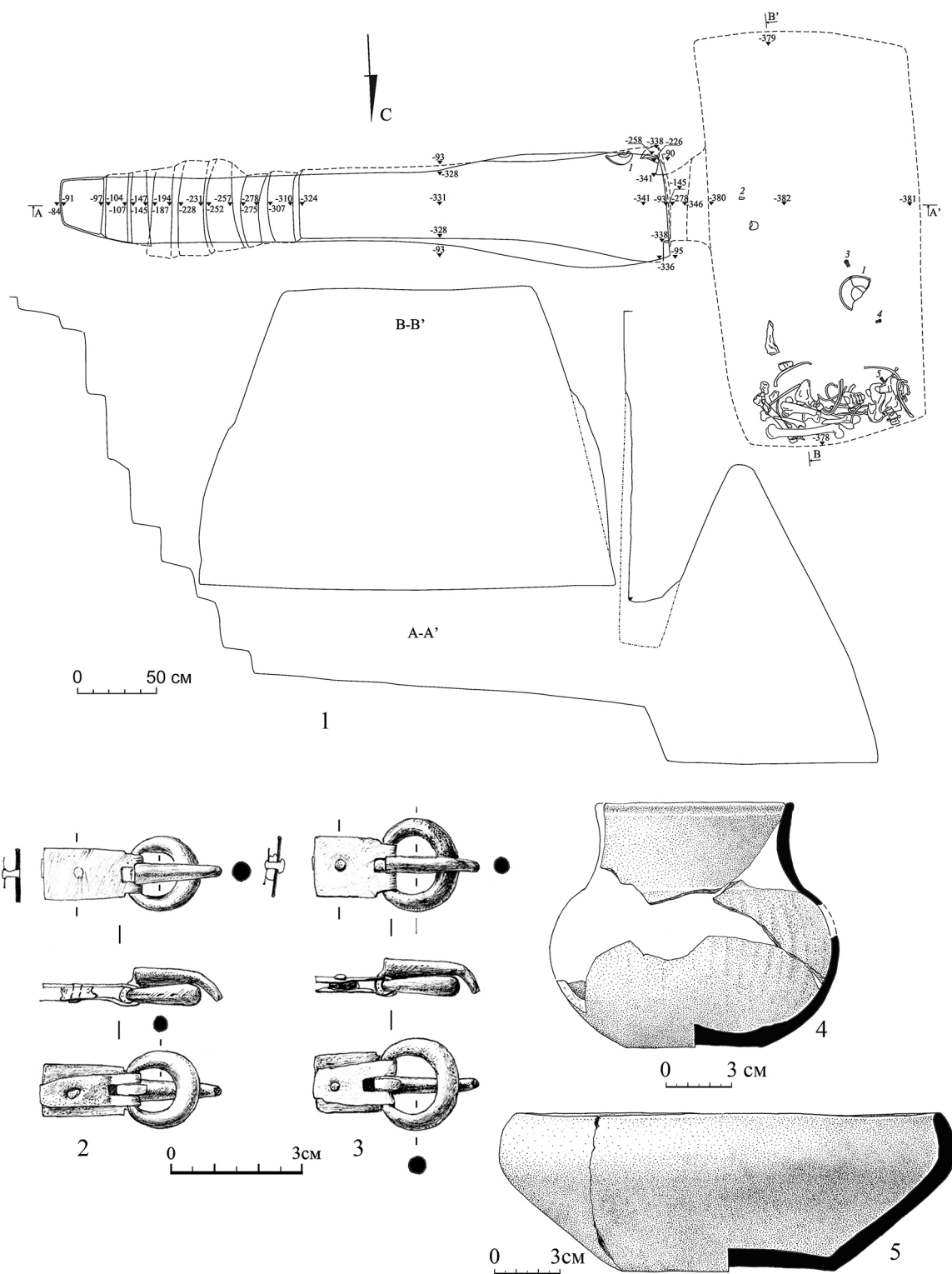

Рис. 10. Курганный могильник Киевский I. Курган 495:
 1 - план и разрезы погребального сооружения; 2,3 – пряжки серебряные; 4 – кружка; 5 – миска

Fig. 10. Kievskiy I burial mound. Mound 495:
 1 – layout and cross-sections of the burial structure; 2,3 – silver buckles; 4 – mug; 5 – bowl

Рис. 11. Золотые украшения и серебряная фибула из курганного могильника Киевский I:
1 - курган 456; 2–5 – курган 463

Fig. 11. Gold jewelry and a silver fibula (brooch) from the Kievskiy I burial mound: 1 – mound 456; 2–5 – mound 463

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Круглов А.П.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Записки Чечено-Ингушского института языка и истории. Грозный, 1938.
2. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Археологические памятники Надтеречного района (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2(19). 2013. С. 68–72.
3. *Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В.* Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. 2018. С. 195–206.
4. *Мунчаев Р.М.* Полный отчет о работах Северо-Кавказской археологической

REFERENCES

1. *Kruglov AP.* Archaeological excavations in the Chechen-Ingushetia in the summer of 1936 [Arkheologicheskie raskopki v Checheno-Ingushetii letom 1936 g.] *Proceedings of the Chechen-Ingush Institute of Language and History [Zapiski Checheno-Ingushskogo instituta yazyka i istorii]*. Grozny, 1938.
2. *Mamaev KM., Mamaev RK.* Archaeological monuments of Nadterechny district (materials to the archaeological map) [Arkheologicheskie pamyatniki Nadterechnogo rayona (materialy k arkheologicheskoi karte)] *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2013;2 (19):68-72.
3. *Malashev VY., Magomedov RG., Dzutsev FS., Mamaev KM., Krivosheev MV.* Security and rescue research of the “Bratskie I mound” burial ground on the territory of the

экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2673.

5. Мунчаев Р.М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // Советская археология. 1965. № 2. С. 174–184.

6. Абрамова М.П. Отчет об археологических исследованиях в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии в 1971 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 4455, 4455а.

7. Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV–V вв. н.э. из Северной Осетии // Советская археология. 1975. № 1. С. 213–233.

8. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73–81.

9. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Государственного Университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.

10. Малашев В.Ю., Торгоев А.И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. 2018. № 4. С. 36–52.

11. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

12. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Илюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 452 с.

13. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III / Ред. коллегия А.И. Айбабин, А.Г. Герцен, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1993. С. 23–104.

14. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО «Эллипс», 1994. – 221 с.

Chechen Republic in 2018 [Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nika "Bratskie 1-e kurgany" na territorii Chechenskoj Respubliki v 2018 g.] *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018; 14(4):195-206. DOI: 10.32653/CH144196-206.

4. Munchayev RM. *A full report on the work of the North Caucasus archaeological expedition in 1963 [Polnyi otchet o rabotakh Severo-Kavkazskoy arkheologicheskoi ekspeditsii v 1963 g.]* Archives of IA RAS. P-1. № 2673.

5. Munchayev RM. New Sarmatian Monuments of Chechen-Ingushetia [Novie sarmatskiye pamyatniki Checheno-Ingushetii] *Soviet Archeology*. 1965;(2):174-184.

6. Abramova MP. *Report on archaeological research in Kabardino-Balkaria and North Ossetia in 1971 [Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Kabardino-Balkarii i Severnoy Osetii v 1971 g.]*. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. № 4455, 4455a.

7. Abramova MP. Catacomb burials of the IV-V centuries AD from North Ossetia [Katakombnyye pogrebeniya IV–V vv. n.e. iz Severnoy Osetii] *Soviet Archeology*. 1975;(1):213-233.

8. Smirnov KF. Sarmatian chamber (catacomb) burials of the Southern Transurals, the Volga region, and their connection to the catacombs of the North Caucasus [Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralya, Povolzhya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza] *Soviet Archeology*. 1972;(1):73-81.

9. Moshkova MG., Malashev VY. Chronology and typology of Sarmatian catacomb burial structures [Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebalnykh sooruzheniy] *Scientific schools of the Volgograd State University. Archeology of the Volga-Ural region in the era of early Iron and Middle Ages [Nauchnie shkoly Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Arkheologiya Volgo-Uralskogo regiona v epokhu rannego zheleza i srednevekoviya]* / Ed. A.S. Skripkin. Volgograd: VolSU, 1999:172-212.

10. Malashev VY., Torgoev AI. T-shaped Sarmatian catacombs of the North Caucasus and Central Asia [T-obraznye katakombnyye sarmatskogo vremeni Severnogo kavkaza i Srednei Azii] *Russian archaeology*. 2018;(4):35-52.

15. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. – 468 с.
16. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: ИИА РСО-Алании – ГМИНВ, 2014. – 68 с.
17. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. – 134 с.
18. Ким М.Г. Отчет о разведках в Республике Северная Осетия-Алания и в Чеченской Республике в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 56799, 56805, 56809.
19. Габуев Т.А. Аланские курганы у Киевского городища в Моздокском районе Северной Осетии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: Институт археологии РАН, 2014. С. 229–230.
20. Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фасбиндер Й. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV в. н.э. в Северной Осетии, в печати.
21. Igor O. Gavritukhin. Belt sets. Side 1: Buckles // In the book: A. Belinskij & H. Härke, forthcoming. The Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar: excavations 1994–96 (Forschungen in Eurasien series). – Berlin: Dutsches Archäologisches Institut, 2018. – P. 49–96.
22. N. Adams. The development of early garnet inlaid ornaments. In: Cs. Bálint, (ed.), Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.-7. Jh. Buidapest - Napoli-Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. 13–70.
23. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. – М.: ИА РАН, 1997. – 165 с.
24. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // Свод археологических исследований. Д1-30. – М., 1966. – 142 с.
25. Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. – М.: Институт археологии РАН, 2016. – 208 с.
11. Malashev VY. Periodization of belt garniture of Late Sarmatian period [Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni] *The Sarmatians and their neighbors on the Don [Sarmaty i ikh sosedi na Donu]*. Issue 1. Rostov-on-Don: Terra, 2000:194–232.
12. Malashev VY., Gadzhiev MS., Ilyukov LS. *The Land of Maskuts in the Western Caspian region. Burial mounds of the Caspian Dagestan of the III–V centuries AD [Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.]*. Makhachkala, 2015.
13. Zasetskaya IP. Materials of the Bosporean necropolis of the second half of the IV – first half of the V centuries AD [Materialy Bosporskogo nekropolya vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V vv. n.e.] *MAIET*. III. Simferopol: Tavriya, 1993:23–104.
14. Zasetskaya IP. *Culture of nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (end of the IV–V centuries) [Kul'tura kochevnikov uzhnorusskikh stepei v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.)]*. Saint-Peterburg: 1994.
15. Gabuev TA., Malashev VY. *Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus [Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Taus, 2009.
16. Gabuev TA. *Alan prince mounds of the V century ad at the village of Brut in North Ossetia [Alanskie knyajeskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoi Osetii]*. Vladikavkaz: 2014.
17. Ambroz AK. *Chronology of antiquities of the North Caucasus [Khronoloiya drevnostei Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1989.
18. Kim MG. Report on archaeological surveys in the Republic of North Ossetia-Alania and the Chechen Republic in 2017 [Otchet o razvedkakh v Respublike Severnaya Osetiya – Alania i v Chечenskoj Respublike v 2017]. Archive of the Institute of archaeology of RAS. R-1. № 56799, 56805, 56809.
19. Gabuev TA. Alan mounds near the Kiev hillfort in the Mozdok district of North Ossetia [Alanskie kurgany u Kiyevskogo gorodishcha v Mozdokskom rayone Severnoy Osetii] *E.I. Krupnov and the development of the archeology of the North Caucasus. The XXVIII Krupnovsky readings. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, April 21–25, 2014*

26. Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232. М., 2014. С. 120–135.

/ Ed. D.S. Korobov. Moscow: Institute of Archeology, RAS. 2014:229-230.

20. Korobov DS., Malashev VY., Fassbinder Y. *Comprehensive study of early Alanian burial sites of the IV century ad in North Ossetia [Kompleksnoe issledovanie rannealanskikh zakhoroneniya IV v n.e. v Severnoi Osetii]*, in print.

21. Gavritukhin IO. Belt sets. Side 1: Buckles // In the book: A. Belinskij & H. Härke, forthcoming. *The Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar: excavations 1994-96 (Forschungen in Eurasien series)*. Berlin: Dutsches Archäologisches Institut, 2018:49-96.

22. Adams N. *The development of early garnet inlaid ornaments*. In: Cs. Bálint, (ed.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.-7. Jh.* Buidapest - Napoli-Roma : Archäologisches Institut der UAW. 2000:13-70.

23. Abramova MP. *The Early Alans of the North Caucasus [Rannie alany Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Institute of Archeology, RAS. 1997.

24. Ambroz AK. Fibulae of the south European part of the USSR (II century BC - IV century BC) [Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.)] *Collection of archaeological researches [Svod arkheologicheskikh issledovaniy]*. D1-30. Moscow, 1966.

25. Malashev VY. *Monuments of the Middle Sarmatian culture of the North Caucasus steppes and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the II - the middle of the V century AD [Pamyatniki srednesarmatskoi kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogilnikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.]*. Moscow: Institute of Archeology, RAS. 2016.

26. Korobov DS., Malashev VY., Fassbinder Y. Preliminary results of excavations at the Levopodkumsky 1 burial mound near Kislovodsk [Predvaritelnye rezultaty raskopok na kurgannom mogilnike Levopodkumskiy bliz Kislovodska] *KSIA*. Moscow, 2014(232):120-135.

Статья поступила в редакцию 28.04.2020 г.